

**ИГРОВЫЕ СПОСОБЫ
И ПРИЕМЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СМИ**

**PLAYFUL WAYS
AND MEANS OF THE SOCIAL EVALUATION
EXPRESSION IN THE LANGUAGE
OF THE MODERN RUSSIAN MASS MEDIA**

Аннотация. Представлена палитра способов выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ — от буквы до приема языковой игры. Игровые возможности букв показаны на примере буквы «ё», вернувшейся в язык СМИ в новой функции. Традиционным способом выражения эмоциональной, оценочной окраски в русском языке является суффиксация, представленная суффиксами «-ец» и «-инг». Роль префиксации как способа выражения оценки демонстрируют инновации с префиксами «не-», «недо-». Логичным продолжением исследования игровых возможностей префиксации как способа словообразования служит переход к префиксации как приему языковой игры — заместительной префиксации.

Abstract. The article presents an assortment of the means of the social expression in the language of the modern Russian Mass media starting with a letter and concluding with a means of the language play. The playful potential of letters is demonstrated with an example of the letter «ё» which is back to the Mass media language in its new function. In the Russian language one of the traditional ways to express emotional evaluation is suffixation represented by suffixes «-ец» and «-инг». The role of prefixation as a means of evaluation expression is demonstrated with innovations with prefixes «не-», «недо-». A study of the substitutional prefixation which appears a language play means seems to be a reasonable continuation of the investigation of the playful potential of prefixation as a method of word-formation.

Ключевые слова: язык СМИ; языковая игра; оценочность; буква; суффикс; префикс; заместительная префиксация.

Key words: Mass media language; language play; evaluative meaning; letter; suffix; prefix; substitutional prefixation.

Сведения об авторе: Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ilyasova Svetlana Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language for Foreign Students, Institution of Philology, Journalism and Intercultural Communication.

Место работы: Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Place of employment: Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Контактная информация: 344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28-4«А», к. 103.
e-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.

По наблюдениям исследователей языка современных СМИ, изменения в реализации оценочности в языке газеты носят «глубокий и системный характер» [Дускаева 2003: 667]. С этим мнением трудно не согласиться, так как для выражения оценочности привлекаются все, подчас самые неожиданные языковые средства. Одним из ярких средств выражения социальной оценочности в языке современных СМИ является языковая игра, разнообразие способов и приемов которой неоднократно становилось предметом наших исследований [Ильясова 2002; Ильясова 2009]. Тем не менее арсенал игровых средств продолжает пополняться, что позволяет говорить об актуальности заявленной в заголовке темы исследования.

1. Буква Ё в оценочно-игровой функции. Как известно, исчезновение этой буквы со страниц печати, из официальных документов породило массу проблем. Сторонники

так называемой ёфикации считают, что защита данного символа равноценна защите прав человека, это политический вопрос, что должно быть принято постановление правительства о введении буквы «Ё» в обязательное применение на письме и в печати в системе образования, науки, культуры, в документах Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, министерств и ведомств, в издании печатной продукции, рекламы и т. п. на всей территории Российской Федерации...» [Чумаков 2007: 358].

Не став пока полноправным членом печатного текста в своем прямом назначении, буква ё начала использоваться как средство создания оценочности, выраженной в игровой форме: *Кто будет ездить на Ё-мобиле? — Ёлигархи* (КП. 13.11.2010, раздел «Анекдоты в номер»); *Он сказал поЁхали* (Известия. 04.04.2011); *Любовь г-на Прохорова к инновациям заставляет предпо-*

жить, что какая-нибудь „ё-мобиля“ у него все-таки есть (АиФ. 2012. №6); „Ё-партия“ лидирует в опросе (Известия. 05.04.2012); Биатлон на букву Ё (АиФ. 2013. № 7); Ё-лужковский проект Прохорова (АиФ. 2013. № 7).

Заметим, что инновация *ё-мобиль* — российский автомобиль, в конструкции которого предполагается использование электронной трансмиссии, — так же как и название завода «Ё-Авто», а также модификаций ё-мобиля — ё-кроссовера, ё-фургона и др. (см. материал «Википедии»), первоначально не имели каких-либо коннотаций, в отличие от «ё-инноваций» в языке СМИ. Так, новообразование *ё-мобиль* в сочетании с инновацией *ёлигархи* явно приобретает оценочное значение. Очень свежо выглядит трансформация прецедентного феномена путем замены нейтрального *поехали* на оценочное *поЁхали*.

Как видим, буква ё приобретает некое символическое значение, прочно ассоциируется с именем М. Прохорова, о чем более наглядно свидетельствуют следующие примеры: *Ё-партия* — это условное название партии М. Прохорова; биатлон на букву Ё — это биатлон, точнее, Союз биатлонистов России, возглавляемый М. Прохоровым, где победы стали редкостью; Ё-лужковский проект — это помощь Лужкову на выборах в Мосгордуму.

Таким образом, не подлежит сомнению, что буква ё выступает как средство оценки всех начинаний М. Прохорова.

О том, что буква ё может выступать в роли стилистического маркера, свидетельствуют и такие примеры: *Американский посол в России повинился перед уральцами за „Ёбург“* (КП. 06.08.2012); *На раёне* (Известия. 23.10.2013). Коммуникативные намерения говорящих, приведшие к созданию стилистически маркированных единиц, прямо противоположны. В первом случае это так называемая *непреднамеренная аномалия*, так как адресант нарушил коммуникативную норму ненамеренно, ср.: „Я буду в Ёбурге на „Иннопром“, — написал Макфол по-русски, неожиданно употребив такое жаргонное именование уральского мегаполиса. Во втором примере нарушение орфографической нормы преднамеренно, оно поддерживается нарушением синтаксической нормы — *в районе*. Всё вместе порождает отрицательную коннотацию.

2. Суффиксы, специализирующиеся в выражении оценки. Рассмотрим два суффикса, один из которых традиционно используется для выражения оценки: «Суффикс -ец. Существительные с суф. -ец <...> мотивируют

ся существительными муж. р. I скл. и имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение, причем с более сильной, чем в предыдущем типе, экспрессией близости, сочувствия или издевки: *братец, морозец, хлебец, капиталец...*» [РГ-80: § 414].

Полагаем, что в языке современных СМИ новые слова на -ец образуются, во-первых, от более широкого круга основ, во-вторых, в них преобладает уничижительное значение, ср.: *Песнец какой-то* (Версия. 2009. № 8); *ВитаминЕц* (АиФ. 2011. № 3). Заметим, что в последнем примере носителем субъективно-оценочного значения выступает графическое выделение — неожиданное ударение придает слову и неожиданную коннотацию.

Инновации на -ец, как правило, выступают в составе модели «полный +...» как эвфемистическая замена нецензурного выражения. Вместе с тем, несмотря на прозрачную аллюзию, трансформации этой модели в языке СМИ выглядят органично, так как отвечают задаче поиска новых экспрессивных и оценочных средств, ср.: *Полный бензец* (Версия. 2003. № 38); *Полный хрустец* (КП. 03.12.2003); *Полный Джигурдец* (КП. 02.2011).

Инновации на -ец активно используются для оценки экономических процессов: ... *Такая финансовая стабилизация называется простым русским словом „стабилизец“* (Российская газета. 03.06.2005). Охарактеризовав слово *стабилизец* как апокалиптическое, В. Н. Шапошников отметил, что эмоциональный эффект порождается за счет использования «форманта, явно приписанного к определенной речевой и культурной сфере, в совершенно иной сфере» [Шапошников 2006: 102].

Полагаем, что говорить следует не столько о форманте, сколько о конкретном образце, на который ориентируются при создании инновации, тем более что в рассмотренном примере для явного указания на него используется перифраз (*простым русским словом*). Действительно, *стабилизец*, в отличие от *стабилизация*, производит впечатление узнаваемого «простого русского слова».

В двух следующих примерах показан процесс порождения инновации: *Полный криздец* (заголовок). А. Улюкаев, первый зампред Центробанка: *Я называю эту ситуацию нормальностью. Это новая нормальность в том смысле, что кризис очень надолго*. Комментарий АИФ: *Не вешайте нос, банкир Улюкаев! Рано или поздно кризис кончится и настанет — полный криздец!* (АиФ. 2011. № 51).

Полный рецессец (заголовок). М. Рохмистров, депутат Госдумы: *Минфину следует озадачиться тем, как сверстать бюджет на следующий год. В экономике очень большие проблемы, и называть их мягкой рецессией уже некорректно.* Комментарий АИФ: *Плох тот Минфин, который за мягкой рецессией вовремя не разглядит полный ... рецессец!* (АИФ. 2013. № 29).

Таким образом, инновации очень эффективно завершают поднятую для обсуждения экономическую проблему, дают оценку ее состоянию. Кроме того, они зачастую «высвечивают невольный комизм, возникающий от несовпадения неподготовленной, спонтанной речевой формы и требований публичной официальной речи» [Русская речь в средствах массовой информации 2011: 14—15].

Суффикс *-инг*. Полагаем, что в судьбе этого суффикса правомерно видеть подтверждение высказанной Е. А. Земской мысли: «...изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффикса» [Земская 1992: 125].

Имеющиеся в нашей картотеке примеры позволяют говорить о том, что *-инг* приобрел статус аффикса, специализирующегося на создании игровых инноваций, ср.: *Чтоб „путинг“ рос и „вертикаль“ стояла* (КП. 19.12.2003); *Сбренддинг крепчает* (Известия. 06.10.2006). Ранее, говоря об этих инновациях, мы отметили связь инновации *путинг* со словом-образцом *рейтинг* и отсутствие таковой у инновации *сбренддинг*, мотивированной просторечным глаголом *сбрендить* [Ильясова 2009: 144]. Тем самым мы хотели подчеркнуть, что у инноваций на *-инг* связь с заимствованиями из английского языка может как сохраняться, так и утрачиваться. О справедливости второго наблюдения свидетельствует ряд инноваций на *-инг*, например: *Вслед за пехтингом — малкинг* (Вечерний Ростов. 02.04.2013). Инновация *пехтинг* появилась в связи с расследованием незаконной деятельности бывшего депутата Госдумы и одного из руководителей «Единой России» В. Пехтина и сразу же приобрела более широкое значение — «поиск компромата на представителей власти». Инновация *малкинг* связана с именем бывшего члена Совета Федерации В. Малкина. Таким образом, инновации на *-инг* могут образовываться от имен собственных.

О свободном сочетании суффикса *-инг* со словами разной стилистической окраски свидетельствует такой пример: *Втюхине*

(Версия. 2013. № 39). Мотивирующий глагол *втюхать*, насколько нам известно, отсутствует в толковых словарях русского языка [см. Сводный словарь 1991], зато есть в словаре арготической лексики. Одним из значений глагола *втюхать* является «обмануть при торговой сделке: дорого продать некачественную вещь» [Грачев 2003: 163]. Именно оно представлено в инновации.

Не менее интересно выглядит инновация, мотивированная историзмом *опричника*: А Коновалов, министр юстиции: *Есть риск создания (речь об „антиотмывочных“ полномочиях ростфинмотиторинга — Ред.) чего-то похожего на опричнину с особыми полномочиями, статусом, режимом неприкосновенности.* Комментарий АИФ: *Давно пора наряду с пришедшими с запада инструментами — лизингом, банкингом и т. п. — внести и наш, исконно русский опричь-мониторинг. Или попросту опричнинг* (АИФ. 2013. № 10). Как видим, в одном ряду оказываются заимствованные слова на *-инг*, инновация синкретичного характера — *опричь-мониторинг* — и, наконец, инновация, созданная на русской почве.

Инновации на *-инг* представлены и в речевом жанре анекдота. Учитывая, что современные анекдоты по большей части создаются «на злобу дня» и в качестве таковых помещаются в колонку «Анекдоты в номер», рассмотрим их как иллюстрации обозначенной ранее стилиобразующей черты современных СМИ — социальной оценочности: *Анкета. Графа „Хобби“: „Виндсерфинг, бэнд-джампинг, скай-дэйвинг, поматросинг-бросинг“; Вчера ходила по магазинам. — Шопинг. — Зыринг* (КП. 26.09.2009); *Керлинг — это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу* (КП. 11—18.03.2010). Подтверждается отмеченная тенденция к игре с разностилевыми инновациями: нейтральными, заимствованными из английского языка и эмоционально-оценочными, мотивированными сниженной лексикой, ср.: *поматросить и бросить* — «прост. Шутл. Быстро расстаться с любимой девушкой» [Мокиенко 2007: 129]; *зырить* — «смотреть» [Грачев 2003: 357]; *бухать* — «употреблять спиртные напитки» [Там же: 115].

3. ПРЕФИКСАЦИЯ, ЗАМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОЦЕНКИ

3.1. Префикс *-не*: *Закононепослушные* (АИФ. 2011. № 40); *Глубоконеуважаемые* (Версия. 2012. № 23); *Боенекомплект* (Версия. 2012. № 25); *Нечесть мундира* (Версия. 2012. № 46).

Прибавление префикса *-не* может не только менять значение слова на противоположное, но и рождать новый смысл, ср.:

С. Неверов, депутат Госдумы: *Мы видим, как ринулись на выборы (мэра Москвы — ред.) разного рода **проходимцы** из-под домашнего ареста и со скамей подсудимых.* Комментарий АИФ: Удальцов и Навальный, на которых намеки, вряд ли пройдут в московские мэры. Так что правильнее было бы назвать их **непроходимцами** (АиФ. 2013. № 26). Прибавление префикса *-не* не изменяет коннотацию слова *проходимец* — разг. презр. Мошенник, негодяй [Ожегов 1973: 577] — на противоположную, а освежает внутреннюю форму слова, что подчеркивается и использованием корневого повтора: *пройдут — непроходимцы*.

3.2. Другие префиксы.

Близким к значению приставки *-не* выступает в ряде примеров значение приставки *-недо*: *Недопамятники* (заголовок). *Московские власти не видят в столице ничего исторически значимого* (Известия. 16.08.2010); *Недограждане* (КП. 01.11.2013 — о фактах надругательства над памятниками). В соответствии со словообразовательным значением приставки *недо-*, инновации должны обозначать лицо, не в полной мере являющееся тем, что названо мотивирующим словом, но на самом деле они обозначают нечто противоположное тому, что названо мотивирующим словом.

Значение противоположности может передаваться, как известно, и приставкой *ре-*, напр.: *Репатриотизм* (Версия. 2013. № 37).

Прибавление префикса *у-* к медицинскому термину придает ему ярко выраженную социальную оценочность: *Уродовспоможение* (Версия. 2009. № 16). В другом примере с помощью префикса *обес-* оценочная квалификация изменяется с результативной — *без смысла* — на целевую — *сделать бессмысленным*: *Обесмыслица народа* (АиФ. 2010. № 52).

Интерес представляет трансформация прецедентного феномена *любовь до гроба* (*до гробовой доски*) в *Любовь до угроба* (Версия. 2011. № 13), т. е. в любовь, которая может довести до убийства соперника (соперницы).

3.3. Заменительная префиксация. В заменительной префиксации — разновидности словообразовательной игры — могут участвовать разные префиксы. Участие в ней префикса *не-* приводит к появлению окказионального антонима, ср.: *Неслужной список* (Версия. 2012. № 42). Трансформация устойчивого выражения *послужной список* (устар. — документ с анкетными данными и со сведениями о прохождении службы [Ожегов 1973: 522]) в *неслужной список* находит объяснение в заголовочном комплексе:

Срочную службу прошли не более 10 % государственных руководителей.

Необходимость решения проблем пенсионной системы вызвала к жизни следующий заголовок: *Пенсионные некопления* (Версия. 2012. № 4).

Окказиональные антонимы могут создаваться и с участием других приставок, ср.: *Разборная страны по теннису* (Известия. 02.02.2010); *Отступательные вооружения* (Версия. 2011. № 32); *Расселенный пункт* (Версия. 2009. № 37); *Союз разрушимый* (Версия. 2011. № 22); *Бывших чиновников трудоустроили* (Известия. 22.07.2010).

Выделим пример заменительной префиксации, в котором представлены как узальный, так и окказиональный антонимы: *Какой ужас! Это уже не одежда, а раздежда* (7 Дней. 2013. № 5).

В заменительной префиксации, как и в префиксации, заметна роль префикса *недо-*, например: *Недогорельцы* (КП. 21.09.2010). Но если в рассмотренных ранее примерах *недо-* обозначал не неполноту того, что названо мотивирующим словом, а его отсутствие, то здесь он выступает в своем основном словообразовательном значении, хотя и окказионально интерпретированном, ср.: *недогорельцы* — это жители погорелых областей, которые не довольны тем, что их дома спасли во время пожара, потому что находятся они в заброшенных деревнях, где нет ни магазинов, ни медпунктов.

Интерес представляют примеры трансформации компонента путем заменительной деривации в устойчивом словосочетании: *Отключительный случай* (Известия. 25.08.2001); *Переписные истины* (Версия. 2012. № 19). Посмотрим, как взаимодействуют экспрессивные и оценочные компоненты в новой единице. Так, под интригующим заголовком *Отключительный случай* (Известия. 25.08.2001) раскрывается загадка «жизни после смерти» экс-командира спецбатальона Сулима Ямадаева. Эту историю вполне можно оценить как *исключительный случай*, т. е. необыкновенный, небывалый.

Замена компонента в устойчивом словосочетании *прописные истины* находит объяснение в заголовочном комплексе: *Переписные истины* (заголовок). *До 30 процентов научных работ — плагиат и фальшивка* (Версия. 2012. № 19). Полагаем, что коннотации трансформированного и исходного словосочетания принципиально отличаются: *прописные истины* — это нечто шаблонное, лишенное оригинальности. Следовательно, можно говорить о некоем пренебрежении в оценке *прописных истин*. *Переписные истины* — это социально опасное явление,

это покушение на мораль и нравственность, это нарушение одной из основных заповедей — *не укради*, — это, в конце концов, подрыв авторитета российской науки за рубежом. В соответствии со всем сказанным, выражение *переписные истины* имеет ярко выраженную социально-оценочную направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго. — М. : Рипол Классик, 2003.
2. Дускаева Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 664—675.
3. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002.
4. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М. : Флинта, 2009.

5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. — М. : Олма Медиа Групп, 2007.

6. РГ-80 = *Русская грамматика*. Т. 1. — М. : Наука, 1980.

7. *Русская речь* в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.

8. *Сводный словарь* современной русской лексики : в 2 т. — М. : Русский язык, 1991.

9. Сковородников А. П. Контаминация словообразовательная // *Культура русской речи* : энцикл. слов.-справочник. — М. : Флинта : Наука, 2003.

10. Чумаков В. Т. Узаконить букву Ёё на письме и в печати — неотложная задача сохранения русского языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность* : 3-й Междунар. конгр. исследователей русского языка : труды и материалы. — М. : Макс Пресс, 2007. С. 357—358.

11. Шапошиников В. Н. *Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении*. — М. : КомКнига, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов